

18+

MAXWELL
MAXWELL

60

ИГРА

НА ГРАНИ ФОЛА

ОНИ ВЕДУТ ОДИНАКОВУЮ ИГРУ

ДЖУЛИ ДЕЙС

Джули Дейс
Игра на грани фола
Серия «Игра», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66988208

SelfPub; 2024

Аннотация

Виктория Ньюман дочь тренера школьной футбольной команды, который пойдет на все ради победы. Даже заставит Викторию флиртовать с капитаном соперников, чтобы выяснить тактику игры. Вот только девушка не ожидала, что искреннее влюбится в свою цель. И теперь ее сердце разрывается между чувствами к парню и долгом перед отцом. Коди Максвелл – новый капитан, и он намерен доказать, что достоин своего звания, а его игроки способны блистать. Однако Виктория оказывается тем препятствием, которое может поставить под угрозу не только место Коди в команде, но и его будущее. Чем больше Вики и Коди проводят времени вместе, тем сильнее их тянет друг к другу. Игра под названием «любовь» началась. Вот только цена за победу слишком высока – разбитое сердце и разрушенные мечты.

Содержание

Плейлист	4
Глава 1. Виктория	5
Глава 2. Виктория	12
Глава 3. Виктория	19
Глава 4. Коди	25
Глава 5. Коди	32
Глава 6. Виктория	44
Глава 7. Коди	51
Глава 8. Виктория	60
Глава 9. Коди	68
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Джули Дейс

Игра на грани фола

Плейлист

The After's – Sunrise

Selena Gomez – Same old love

Olivia Rodrigo – Traitor

Hollywood Undead & Imanbek – Runaway

Halsey – You should be said

The Score – Born for this

Selena Gomez – Kinda Crazy

UNSECRET feat. Erin McCarley – Feels Like Falling

The Score – Survivor

Bishop Briggs – Champion

Глава 1. Виктория

Когда отец приглашает в кабинет и предлагает присесть, я знаю, чего ожидать.

Он хочет втянуть меня в авантюру.

Он жаждет победить.

Он не играет по-честному.

Он идет ва-банк.

Если говорить откровенно, на войне все средства хороши.

Нет, я вовсе не пешка в отцовских руках. Соглашаюсь добровольно и не захожу дальше положенного. Лишняя практика пойдет на пользу моим занятиям в театральном кружке. Я гуляю с парнем, внушаю, что он – любовь всей моей жизни, а отец мне в этом помогает. Парни ничуть не страдают, когда «все кончено». Более того, расставание становится уважительной причиной уйти в отрыв, а затянуть сердечные раны им помогают дюжина легкомысленных девчонок и алкоголь. Парням достаются слова сочувствия, а нам – победа. К тому же все они – придурки, получившие по заслугам. Я воздала должное и отомстила за каждую девушку, поверившую сладким речам. И ни с одним не дошла до стадии третьего свидания, которое подразумевает секс. По статистике, именно третье становится тем самым роковым.

Три.

Подумать только. Всего три свидания – и вот вам бурные сальто в кровати.

Я плюхаюсь в кресло, расправляю плечи и позволяю отцу изложить план.

– У Гилмортов новый капитан.

Удивительно, и как я не догадалась?

Старшая школа Кингс-Маунтин, которую мы называем по фамилии главного тренера, располагается на другом конце города, поэтому мы крайне редко пересекаемся с ее учениками. Они всегда были нашим главными противниками. Дружить с врагами запрещено, иначе становишься изгоем. Встречаться – тоже. Любое общение – и ты предатель. Правила распространяются на всех, в том числе и на меня. Я действую крайне осторожно. Логан Вуд, последний капитан футбольной команды получил заветную шапочку выпускника и освободил вакантное место. Жаль. Со своим раздутым эго и длинным языком засранец был легкой мишенью.

Сцепив пальцы в замок, папа изучает меня карими глазами, которые так и не перешли мне по наследству. В генетической лотерее выиграла мама: я переняла ее голубые. За папиной спиной стоит стеллаж с наградами, которыми, разумеется, гордится весь школьный совет. Не удивлюсь, если директор самолично протирает кубки, к получению которых я приложила руку. К сожалению, в этой игре мне досталась роль шпионки, выполняющей грязную работу: терпеть идиотскую болтовню и улыбаться.

– Кого они выбрали? – скучая, спрашиваю я, и, закинув ногу на ногу, бросаю взгляд за окно, где расстилается футбольное поле.

– Коди Максвелла.

– Почему фамилия кажется мне знакомой?

– У них ресивер с такой же фамилией. Капитан – новенький в школе.

Я выгибаю бровь.

Какого черта?

Кто в здравом уме сделает новичка квотербеком¹?

– За парня ручались в предыдущей школе.

– С каких пор достаточно рекомендаций?

Отец невесело улыбается.

– В худшем для нас случае капитаном могли назначить Кросса, и тогда бы нам пришлось как следует покататься голлой задницей по нешлифованной доске. С новеньким мы сорвали джекпот.

Я фыркаю от смеха.

Да уж, чтобы подобраться к Трэвису, недостаточно просто улыбнуться и взмахнуть ресницами. Даже у бетонной стены больше эмоций, чем у него. Попытка сблизиться с Трэвисом заранее обречена на фатальный провал. Именно поэтому папа втайне мечтает заграбастать его, лучшего центра. А еще

¹ Квотербек – ампула игрока нападения в американском футболе. Является ключевым игроком и лидером команды, поэтому как правило совмещает в себе капитанскую должность.

у Гилмортов сильная линейная нападения. Папа в шутку называет их бойзбендом и, вполне вероятно, видит в кошмарах. Мы оба знаем, что наша команда изрядно уступает Гилмортам.

Папа подается вперед, но у него не получается заразить меня боевым настроением.

В голову закрадываются сомнения.

Впервые в жизни чувствую себя неуверенно. После унижения, которому когда-то подверг меня Тим Фостер, я старалась не смотреть в зеркало, потому что видела в отражении втопанную в грязь девочку. Родителям пришлось отправить меня к психологу, но через несколько сеансов я солгала, что больше не нуждаюсь в его услугах. На самом деле мне попросту надоело сидеть напротив незнакомой женщины, единственной целью которой было удовлетворение праздного любопытства. Год за годом я – и только я сама – помогала себе. И, конечно, взросление пошло мне на пользу. Я больше не двенадцатилетняя девочка с косичками в платье в цветочек. Я способна дать отпор. Я не доверяю придуркам в футбольной форме.

– Виктория?

Конечно, *Виктория*. Отец всегда называет меня полным именем, когда речь заходит о делах.

Я смотрю на него из-под опущенных ресниц и киваю. Мое мнение не имеет значения. Никто не предоставляет только что родившемуся королевскому наследнику права выбора.

По тяжелому взгляду понимаю, что отец все-таки ждет ответа.

– Что-то еще? – спрашиваю я.

– Будь осторожна.

А вот это уже кое-что новенькое. Может быть, он чувствует зародившееся во мне сомнение?

Папа поднимается и обходит стол. С нежностью потрепав меня по волосам, цвет которых сравним с тягучей карамелью, он многообещающе улыбается. Мне нравится, что он продолжает держать себя в форме: отец отлично сложен и в душе остается футболистом. Только играет не совсем честно.

– Ты невероятная красавица, мне не справиться без тебя.

Хотя отец использует меня в сомнительных целях, он, безусловно, делает это любя. Его не за что винить, безумная затея принадлежала мне. Это случилось несколько лет назад, когда отец сутками пропадал в кабинете, тяжело переживая поражение. Сильные игроки окончили школу, и в команде остались одни чайники. Наша семья оказалась в эпицентре спортивного стихийного бедствия и была на грани распада. Желая помочь, я придумала, как вытянуть у соперников план игры, и папа понял, что за козырь прячет в рукаве. *Меня.*

Я даю себе обещание, что это – последний раз.

– Как я его узнаю?

– Капитан всегда выделяется из основной массы, –

неопределенно пожимает плечом папа.

Да, точно. Отличная наводка.

– Они знают, как я выгляжу.

Отец улыбается так, словно предвидел мой ответ.

– Тебе не нужно приезжать в школу. Каждый понедельник в три часа команда собирается в Старбаксе за углом. Я заказал брошюры в соседней типографии. Ты выручишь меня, если заедешь за ними. Можешь взять машину.

– Как великодушно с твоей стороны, – поддразниваю я и протягиваю ладонь, куда он кладет ключи. – Если бы ты предложил мне тащиться пешком, то познал бы всю силу моего гнева. Однажды я приду к тебе ночью с ножом в руках, а пока буду являться в кошмарах.

– Не говори такого при маме. – Он качает головой, скрывая веселье под суровой маской.

– Боишься, что она обвинит тебя в плохом влиянии?

– Карамелька, ты не можешь угрожать мне расправой. Это противоестественно.

Карамелька.

Карамелька – значит, отец вернулся в реальность и вспомнил, что мы родственники.

– А я считаю, что могу.

– Я выбил время завтра в три. У вас два часа на тренировку.

С началом футбольного сезона два часа стали равняться двадцати. Газон смягчает падение, и вся группа поддержки

радуется, что не слышит мерзкого скрипа обуви по литому полу спортзала. А еще стадион – это свежий воздух и теплые солнечные лучи, ласкающие кожу.

– Спасибо, пап.

Улыбаясь, хлопаю его по плечу и покидаю кабинет, зная, куда лежит мой путь. Я не стану терять время, следовательно, мы познакомимся уже сегодня.

Глава 2. Виктория

Паркую машину у тротуара рядом с типографией. Я хорошо знаю сценарий и двигаюсь на автомате. Сложно поверить, что меня снова угораздило ввязаться в глупую авантюру. За несколько лет мучений школьная команда задолжала мне как минимум пожизненный сертификат на оплату услуг психотерапевта. Да, я на грани обращения к специалисту по собственной инициативе.

Проскальзываю в типографию, где стоит застарелый запах бумаги, и сообщаю номер заказа. Девушка кивает и спустя минуту вываливает на стол брошюры. Я не шучу. Именно вываливает, потому что аккуратно поставить эту стопку просто нереально. Папа должен был предупредить, что для грязных делишек лучше надеть кроссовки, а не трехдюймовые каблуки. Мы обязательно обсудим его упущение за ужином.

Челночный бег от машины до типографии и обратно не входит в мои планы, и я покупаю пару коробок. В них умещаются отцовские листовки и мое глупое желание помочь другим себе во вред.

Улыбаясь, девушка прощается со мной, но в ее глазах застывает сомнение: дойду ли я до машины без происшествий?

Конечно, черт подери, дойду, иначе почему меня назвали Викторией? Мое имя буквально переводится как «победа».

Если понадобится, я выйду из типографии с гордо поднятой головой и проклятыми брошюрами в зубах.

Направляюсь к машине по тропинке, но не успеваю моргнуть, как встречаюсь с голубыми, словно два сияющих сапфира, глазами незнакомца. Он ловко перехватывает у меня коробки и, кажется, их вес для него абсолютно ничего не значит.

Его вежливая, проникновенная улыбка достигает моего холодного сердца, посылая по телу разряд тока. Уголки полных губ дергаются, и воображение уже подкидывает мне идеи того, какие цветы заказать на нашу свадьбу, и имена будущих детишек. Кажется, что над острыми скулами и прямым ровным носом незнакомца поработал лучший скульптор. Солнечные лучи играют на небрежно торчащих в разные стороны каштановых волосах, обманчиво делая их светлее. А, может, между темными прядями действительно прячутся песочные. Отенок глаз парня напоминает океан: голубой цвет плавно перетекает в глубокую синеву, окружающую зрачок. Фигура незнакомца крепкая и подтянутая. Он не усердствует в зале, но и не отлынивает от физической нагрузки. Я заглядываю в его глаза и в ту же самую секунду хороню в них собственную гордость.

Ради всего святого, это похоже на солнечный удар.

– Не против, если помогу? – спрашивает он, и его низкий, с легкой чарующей ноткой хрипотцы голос и-д-е-а-л-е-н.

Не в силах бороться с мимикой, я улыбаюсь как влюблен-

ная дурочка.

– Ни капли. – Указываю на машину, и парень идет к отцовской громадине, вести которую все равно, что управлять военным самолетом.

Пока следуя за ним, случайно – повторяю, – совершенно случайно скольжу взглядом по подтянутой заднице и длинным ногам, обтянутым плотной тканью белых брюк чинос. Все говорят об эстетичности женского тела, я же заявляю, что мужские изгибы не менее привлекательны. Женственностью никого не удивить, а ухоженные и одетые со вкусом мужчины для меня – глоток свежего воздуха, ведь чаще всего знакомые парни двух слов связать не могут и не знают о существовании дезодоранта.

Незнакомец ставит коробки в машину, а я пытаюсь вспомнить собственное имя. Кажется, оно означает победу. *Победу* гормонов в схватке с разумом.

– Не нашелся ни один олух, который помог бы тебе дотащить коробки?

– Ну почему же, – насмешливо отзываюсь я. – Нашелся.

Парень фыркает от смеха.

– Я могу выразить благодарность словами? – спрашиваю я, чувствуя себя мороженым, которое оставили таять на жаре.

– А есть другие предложения? – В его глазах отражается веселье.

– Может, ты поклонник обнимашек.

Иисусе! Я чувствую себя идиоткой, а мой мозг, полагаю, парит где-то в открытом космосе.

– Как насчет кофе? – Захлопнув багажник, он кивает на Старбакс и отряхивает ладони.

Проглотив разочарование, выпаливаю:

– Я должна встретиться кое с кем. – *Ох, оторвите мне язык!* – Э-э-э... Не в смысле, что я жду своего парня, болтая с другим за чашкой кофе. Все немного запутанно, это приятель папы. Я должна получить кое-какую информацию и... кажется, мне пора замолчать.

– Ты всегда такая чудачка? – Он мелодично смеется, из-за чего к моим щекам приливает румянец, а затылок покрывается испариной.

Почему так душно? Мне буквально не хватает воздуха.

«Ладно, Виктория, просто заткнись и расслабься, – мысленно приказываю себе. – Ты никогда не нервничала из-за парня».

«Чертовски симпатичного и милого парня», – добавляет внутренний голос.

– Нет. – Я демонстрирую обворожительную улыбку, натренированную годами. – Обычно я собрана и действую строго по плану, как серийный убийца, который не хочет закончить свою жизнь на электрическом стуле.

Улыбка незнакомца производит на меня эффект депрессанта, после которого чувствуешь себя вареным овощем.

– Идем, Серийный убийца.

Отлично, из-за болтливости я получила *милое* прозвище.

Пока мы направляемся к кафе, я предпочитаю молчать и обдумываю, как подстроить встречу с Коди Максвеллом. Самое банальное – пролить на него кофе. Вариант поинтереснее – поскользнуться и распластаться на полу в позе убитого жука.

Мы заказываем напитки, и я окончательно оттаиваю, когда мой новый знакомый оплачивает оба.

Почему это происходит именно сейчас, когда я должна отключить совесть и притвориться наивной дурочкой? Почему не после того, как вышла из кофейни? За что Вселенная наказывает меня? Я послушная дочь. Хорошая подруга. Прилежная ученица с баллом выше среднего. Член группы поддержки и театрального кружка. Я помогаю школьному совету. Может быть, дело в том, что я не подкармливаю брошенных животных или не работаю волонтером в приюте для бездомных?

– Что в тех коробках? – спрашивает парень, имя которого до сих пор остается загадкой.

Я перестаю считать клеточки на рубашке пожилого мужчины, и встречаюсь со взглядом парня. Кожа покрывается мурашками.

Он до сих пор не спросил у меня ни имени, ни номера телефона.

Вселенная, ты чертовски несправедлива!

– Пусть это останется тайной. Нас может услышать обще-

ство по охране природы.

Он держится секунду, после чего, запрокинув голову, разражается хохотом, привлекая к себе всеобщее внимание. В дальнем углу за длинным столом, к собственному ужасу, нахожу несколько знакомых лиц из команды Гилморта. Меня охватывает паника, и, чтобы остаться незамеченной, быстро отворачиваюсь и поправляю волосы. Если парни увидят меня на своей территории, новость со скоростью света разлетится по обеим школам, и тогда я встречу со всеми прелестями буллинга.

От катастрофы меня отделяет несколько столиков и кучка покупателей у прилавка.

– Прости, мне нельзя опаздывать, – говорит парень, глянув поверх моей головы. – Рад был помочь.

– Мой позвоночник выражает признательность. – Я вымученно улыбаюсь, борясь с огорчением.

Подмигивая, он салютует мне стаканчиком и уходит, оставляя за собой шлейф парфюма. Восхитительные древесные нотки с едва уловимым оттенком мускуса вынуждают меня обернуться через плечо и втянуть аромат, но в следующее мгновение жалею о каждой своей девчачьей мысли.

Парень, который должен стать нашим пропуском к победе, и мой галантный помощник оказался одним и тем же человеком. И сейчас он занимал свободное место среди товарищей по команде, без труда завладев их вниманием.

Будь я проклята!

Глава 3. Виктория

– Я облажалась, – сообщаю родителям, застыв на пороге кухни.

За прошедшие сутки эта фраза звучит слишком часто. В последний раз я произносила ее, когда заявила на хэллоуинскую вечеринку в костюме принцессы Авроры, хотя дресс-код предполагал наряды из фильмов ужасов. Одри пришлось импровизировать и искать томатную пасту, чтобы изобразить фальшивую кровь. До сих пор с содроганием вспоминаю тот день. Вляпываться в неприятности – мое второе жизненное кредо. Первое, конечно, – профессионально выходить из положения, даже очутившись в шаге от провала.

Папа откладывает в сторону газету и терпеливо ждет, когда меня прорвет. Да, мой отец довольно старомоден. Постоянно влипающие в передраги подопечные закаляют его и без того железный характер. Мама смотрит на меня с недоумением.

– Я в гневе и готова учинить скандал. – Сжимая и разжимая покрасневшие пальцы, я делаю глубокий вдох. – Ты должен был предупредить, что заказал брошюры на десять лет вперед!

– Прости, Карамелька, об этом я не подумал. Следовало отправить с тобой кого-нибудь.

Карамелька – он действительно сожалеет. Это прости-тельно.

Виктория – вот, что не заслуживает снисхождения.

– Если бы ты ошибся, и чертовы «Тигры» не... – я прику-сываю язык.

В глубине маминых глаз вспыхивает недобрый огонек. Медленно, словно в психологическом триллере, она поворачи-вается к папе. Мрачное выражение ее лица не сулит ниче-го хорошего. А если я расскажу, что снова заключила согла-шение с отцом, то весьма вероятно, меньше, чем через ми-нуту, нас выставят за дверь с чемоданами. От неприятного предчувствия живот сводит спазмом. У мамы будто рентген в глазах. Ей достаточно посмотреть на нас, чтобы все понять.

– Это последний раз, мам! – Во мне ни с того ни с сего просыпается защитница, и я спешно меняю тему в попытке сгладить острые углы: – Мне досталась роль Розалины!

С губ мамы слетает вздох. В свойственной ей манере она тут же оказывается рядом, заключает меня в крепкие объ-ятия и с нежностью поглаживает по спине, выражая сочув-ствие. Ее кудрявые светло-русые волосы щекочут шею. Для мамы я всегда останусь ребенком. Пряный аромат, исходя-щий от фартука с подсолнухами, дарит умиротворение. За-пах напоминает о детстве, о маминых кулинарных талантах, которые не передались мне по наследству. Пекарь из меня никудышный, зато я преуспеваю в актерском мастерстве.

– Ох, милая, мне так жаль. Должно быть, это не очень важ-

ная роль.

– Вы читали Шекспира? – Удивляюсь я, выглянув из-за плеча мамы, чтобы прочесть ответ на папином лице. Он никогда не был ярим поклонником литературы, и гримаса непонимания лишнее тому доказательство. – Изначально Ромео любил кузину Джульетты – Розалину. Пьеса начинается с того, что он рассказывает другу, как сильно влюблен, и появляется на приеме, желая увидеть девушку.

Родители переглядываются.

Зачем я вообще говорю об этом?

– Ты сказала, что облажалась. – Мама стреляет предупреждающим взглядом в сторону папы. – Разумеется, ты имела в виду, что не получила роль Джульетты?

В горле пересыхает. Чувствую, как сердце проваливается в желудок и расщепляется в кислоте, и мне хочется стукнуться головой об дверь.

О боже, Виктория, воспользуйся языком и скажи что-нибудь, пока вас обоих не стерли в порошок!

– Ты должен прекратить втягивать нашу дочь в свои грязные игры! – Сердитый возглас мамы звенит в стенах кухни.

– Это была моя идея, – брякаю я и тут же щиплю себя в надежде опомниться.

– Шерил, ты излишне драматизируешь, – одновременно со мной говорит папа.

Иисусе! Скотту Ньюману, вероятно, наскучила земная жизнь, и он планирует уйти в загробный мир!

– Ей исполнилось восемнадцать всего неделю назад! – Мама явно не оставит это просто так. Ее слова будто колючки, и я съеживаюсь от стыда. – Вы в своем уме?!

Ладно, самое время делать ноги.

Я бормочу что-то вроде: «у меня репетиция» и пулей вылетаю из дома.

Прохладный ветер ласкает кожу. Я глубоко втягиваю влажный воздух и медленно выдыхаю, ощущая, как кровь насыщается кислородом. Нет ничего хуже, чем видеть разочарование в глазах близкого человека. И всякий раз, когда мама расстраивается из-за меня, сердце разрывается на части. Мысли о том, что я уделяю маме мало времени, преследуют меня, словно рой пчел, и не дают уснуть по ночам. Я спешила повзрослеть, заявляла, что давно не ребенок и способна принимать решения самостоятельно, но стоит мне оказаться в маминых объятиях, как начинаю жалеть об упущенных мгновениях. Каждое счастливое воспоминание так или иначе связано с мамой. Она была первым человеком, поддержавшим мое рвение записаться в театральный кружок. Изодня в день я видела восхищение в ее глазах, когда репетировала роль, пока мама готовила ужин.

Смахнув непрошеные слезы, надеваю наушники и включаю любимую песню Селены Гомес. Моей суперспособностью можно смело назвать умение слушать ее музыку по кругу и не испытывать тошноты после прокрученного дюжину раз трека. Ускорив темп, быстро добираюсь до школы.

В актовом зале царит хаос. Столпившиеся парни выглядят так, будто их только что заставили чистить пол зубными щетками. Я прислушиваюсь к протестам, которые они выражают мистеру Мюррею. Он не успевает ответить каждому и переключает внимание с одного на другого. Пушистые седые волосы преподавателя приводят в восторг всех учеников, но что действительно удивительно, они не становятся объектом насмешек. Мистер Мюррей завоевал всеобщую любовь своим неугасаемым энтузиазмом и жизнерадостностью. Клянусь Богом, в этом почтенном возрасте у него столько энергии, сколько нет в иных подростках. Всякий раз, когда я опускаю руки, в мысли врывается бойкий преподаватель по актерскому мастерству и дает хороший пинок под зад.

Я останавливаюсь рядом с лучшей подругой и заглядываю в середину круга, где лежит груда костюмов эпохи Возрождения.

– Черт, почему твое платье лучше моего? – стонет Одри. Она возмущенно качает головой, рассыпая по спине густые темно-русые волосы.

– Потому что я племянница лорда Капулетти, – дразнюсь я, игриво пихая Одри локтем.

Янтарные, словно расплавленное золото, глаза подруги нацеливаются на меня. Они как солнце, приблизившись к которому можно сгореть за считанные секунды, и я бесконечно рада, что мы дружим, а не враждуем. Одри из тех людей, кто не даст себя в обиду. У моей подруги острый, как

бритва, язык, и наносить удар она предпочитает первой. Одри всегда уверена и непробиваема. А еще она – желанный трофей едва ли не каждого парня, особенно из футбольной команды моего отца. К сожалению, ледяное сердце подруги может составить достойную конкуренцию Антарктике. Парни называют Одри стервой, но лишь потому, что не в силах ее завоевать. Всего несколько лет назад Одри была приветливой и общительной, но в одночасье стала другой. Я до сих пор не знаю причины резкой перемены. Одри не из тех, кто открывается даже самым близким людям.

– А я, по-твоему, кто? – Поджав полные губы, подведенные алой помадой, она склоняет голову набок и прищуривается.

– Та, кто влюблена во врага.

Клянусь, я успеваю уловить тревогу в ее глазах, но подруга быстро спохватывается, и на ее лицо возвращается скупающая гримаса.

Глава 4. Коди

– Старт! – Я команду так, что по полю прокатывается гулкое эхо.

Уилл Каллоуей срывается с места. Ошметки земли из-под его кроссовок летят в разные стороны, темно-каштановые волосы влажные, а по лбу струится пот, но парень упорно пробивается вперед. Уилл добегают до линии, сгибается пополам и, упершись ладонями в колени, пыхтит так, будто готов выплюнуть легкие.

– Максвелл, ты, часом, не шпион, завербованный противником? – выкрикивает он с другого конца поля, тяжело дыша. – Хочешь нас прикончить до первого матча?

– Зависит от того, где намерен оказаться ты: внизу или сверху списка.

Уилл сплевывает и выпрямляется. Его карие глаза сужаются и мерцают в свете солнечных лучей. Лишний раз получаю подтверждение своим догадкам: Уилл не так прост, как кажется. Он чертов кубик Рубика, хотя, откровенно говоря, подкупает легкостью в общении. Каллоуей – первый на моей памяти человек, с которым нет необходимости наводить мосты, они словно выстроены задолго до нашего знакомства.

Я обвожу взглядом парней, притворяющихся мертвыми, и мысленно закатываю глаза.

– Проваливайте в душ. У вас видок, как у мешков с дерьмом.

Моя старая команда обладала иным нравом. Никто не отлынивал от тренировки, все приходили на поле с готовностью выложиться по полной. Мы действовали, как слаженный организм: каждый выполнял поставленную задачу, и команда держала высокую планку. Работали с точностью механизма часов. Черт побери, я из Нью-Джерси. Штата, где зародился американский футбол. Где все началось. Но я больше не с ними. Моя прежняя жизнь накрылась. Я тут, в Огайо, и должен играть роль папочки, пока тренера сбила с ног простуда. Многообещающее начало.

Удивительно, что моя нынешняя команда не в списке аутсайдеров. Наоборот, школа Гилморта – одна из лучших. Только меня все еще терзают сомнения.

Когда часть игроков разбредается по своим делам, со мной остается Трэвис. Тот, с кем я должен научиться разговаривать при помощи взгляда. Тот, кто является центром. Кто стоит передо мной и подает мяч.

– Расслабься и наслаждайся, – он щелкает языком и толкает дверь. – Это временный ажиотаж.

Перед нами открывается длинный коридор, заполненный школьниками. Я поворачиваю голову и смотрю в серые, как сталь, глаза Трэвиса, отражающие равнодушие ко всему живому. В отличие от позитивного Уилла, Трэв является хладнокровной бронебойной машиной, которая прет вперед, с

легкостью минуя преграды. Он единственный человек на поле, не сказавший ни слова против тренировки, после которой кое у кого подкашивались ноги.

– Я должен знать что-то о школьной королеве?

Трэв поднимает бровь, сканируя меня пронизательным взглядом:

– Хочешь найти проблему?

– Хочу выиграть чемпионат в этом году.

– Тогда просто пошли Британи к чертям. Я сделал то же самое.

Я не могу скрыть улыбку и шагаю вперед.

Ни для кого не секрет, что к новеньким относятся насто-
роженно. За ними следят. О них говорят. Про них стараются
разузнать. Подавляющая часть представительниц женского
пола решила, что я из тех слабоумных спортсменов, что бро-
саются на девушек, как на ароматный кусок мяса. Девчонки
кокетливо улыбаются и перешептываются у меня за спиной.
Это ожидаемо и банально. Кто-то другой мог бы воспользо-
ваться положением, но не я. Я никогда не сворачивал с пути.
Никогда не отклонялся от траектории. Всегда видел дорогу
и конечную цель. Ни одна симпатичная девчонка не стоит
того, чтобы ставить под удар то, ради чего я работал годами.

В кафетерии выбираю убойную порцию углеводов и за-
нимаю свободное место за столом рядом с товарищами по
команде, стараясь не участвовать в оживленной болтовне.
Несмотря на хорошие коммуникативные навыки, чувствую

себя чужим среди своих. Это моя команда, но в то же время кажется, что я должен быть в кругу других парней. Я стараюсь не привязываться к людям и местам, но, так или иначе, испытываю тоску по родным улицам. По людям, с которыми рос. По атмосфере, которую невозможно воссоздать. Кливленд никогда не станет Трентоном, пусть и имеет схожий климат.

– Есть разговор, – говорит Трэв, вгрызаясь в бургер, из которого вот-вот выскочит и шлепнется на пол котлета.

– О чем?

– Это касается команды. *Тебя.*

Взглянув на приятеля с толикой замешательства, разворачиваю свой бургер, с боков которого свисает до золотистой корочки обжаренный бекон. Желудок одобрительно урчит, и не дожидаясь приглашения, кусаю и мычу от удовольствия.

Мать твою, за летние каникулы, большую часть которых заняла расфасовка вещей по коробкам, я успел забыть, какой зверский аппетит способна пробудить тренировка на свежем воздухе.

– *Меня?* – бубню с набитым ртом и вопросительно вскидываю бровь. В моих глазах написано: «*Какого черта, чувак?*».

– Есть странная статистика побед.

– При чем тут я?

Непроницаемое лицо Трэва говорит о том, что он вполне серьезен.

Я шумно вздыхаю.

– Выкладывай.

– Вскоре обязательно появится одна девчонка. Не позволяй ей запудрить тебе мозги.

– Шутишь? – Я фыркаю и смахиваю крошки с серой футболки с логотипом НБА, которую утром стащил у отца. Большую часть времени он носит накрахмаленные рубашки. – Я похож на того, кто клюнет на красивые глаза?

Трэв дергает уголком губ.

– Ты похож на того, кто намерен превратить нашу жизнь в ад.

– Твоя правда. – Я смеюсь и возвращаюсь к обеду, но что-то внутри щелкает и подталкивает задать вопрос: – Она играет в футбол?

– Она предпочитает играть с капитанами.

Я плююсь на приятеля с неприкрытым недоумением и поневоле размышляю, а не мучает ли его паранойя или что похуже. Но веселье угасает, на смену ему приходит сомнение. Я из тех, кто не верит в случайные совпадения. Любая случайность чаще всего оказывается заранее продуманным ходом.

– Как звали девчонку, с которой ты познакомился?

Черт подери, откуда мне знать?

Она оказалась забавной, и, не стану скрывать, довольно симпатичной, но я не спрашивал ее имени. Не рассчитывал, что мы встретимся снова. Это была самая обычная девушка, которых полно вокруг, а я не могу позволить себе расслабляться в выпускном классе. Не тогда, когда на кону стипен-

дия. Дин Максвелл, сыном которого выпала честь родиться, растил меня в гордом одиночестве. И он согласен покрыть будущие расходы на обучение в университете. Но своим примером отец показал, что я должен рассчитывать исключительно на себя. Я должен сделать себя самостоятельно. Вяжываться в отношения, разрыв которых неизбежен после выпускного бала, равносильно тому, чтобы пустить под откос все, к чему я стремился.

– Не спрашивал, как ее зовут, – отвечаю я.

– По странному стечению обстоятельств с Ньюман оказался знаком каждый капитан проигравшей команды. Она – дочка футбольного тренера Легксингтонов, и два года подряд они становились чемпионами. Любопытное совпадение, не находишь?

Я кривлюсь.

– Без обид, но, если на матче вы выкладываетесь так же, как сегодня на поле, то причина прямо у тебя перед носом.

Трэв вытаскивает мобильник из кармана джинсов и водит пальцем по экрану пару минут, после чего поворачивает гаджет ко мне.

– С ней ты познакомился?

Девушка на фотографии одета в желтый сарафан и окружена ореолом солнечного света. Ее голубые глаза смотрят в мои, прямо как пару дней назад, и искрятся озорством. Она хохочет, будто человек по ту сторону камеры произнес что-то смешное и запечатлел живой кадр. Я почти наяву слышу

ее звенящий смех. Кнопочный носик задран кверху. Волнистые локоны переброшены на одну сторону, и несколько золотистых прядей ниспадают на глаза. От снимка веет теплом, жизнью, беспечностью, и я не решаюсь взять мобильник Трэва и пролистать дальше, словно опасаясь подпустить девочку ближе. И не зря. Если Трэв прав, то ей почти удалось обвести меня вокруг пальца.

– Это она? – ждет ответа приятель. Он заблокировал телефон и вернул его в карман.

Не желая признавать свою оплошность, я бормочу что-то нечленораздельное.

– Каждая команда сложилась, как карточный домик, – продолжает Трэв, будто мое бормотание является положительным ответом. – Легксингтоны раскатали всех всухую. Играли так, как будто знают тактику.

Тот факт, что девочка ехала с другого конца города, чтобы забрать что-то в именно в этой типографии, тогда как их полно по всему городу, и собиралась встретить кого-то именно в той кофейне, где собирается наша команда, ставит под сомнение чуть ли не все. Например, ее улыбку. Она буквально говорила обо мне.

Я. Не верю. В совпадения.

«Я должна встретиться кое с кем».

Ха. Черт возьми. С кем, если не со мной, ты должна была встретиться, маленькая лгунья?

Глава 5. Коди

– Как дела в школе? – спрашивает отец, едва я переступаю порог дома и бросаю рюкзак на пол.

Папа появляется в проеме между кухней и прихожей и запускает пятерню в короткие волосы цвета горького шоколада. Рукава белой рубашки закатаны до локтя, верхние пуговицы расстегнуты. Отец старается выглядеть бодрым, но глаза выдают усталость. Было наивно полагать, что его расписание станет менее плотным. Работы только прибавилось.

Еще нет и семи, а он уже дома, и я не могу скрыть удивления:

– Думал, ты останешься в офисе до ночи, и максимум, на что я смогу рассчитывать, это телефонный звонок.

Он морщится и скребет щетину, а я ощущаю укол вины и чувствую себя капризным ребенком.

– Можем поужинать в городе.

– Например?

– Я заметил одно местечко. Осмотрим окрестности, познакомимся со здешней кухней.

Прячу улыбку и бросаю в сторону кроссовки, которые задевают гору коробок. Холостяцкий дом, как-никак. Мы не особо придирчивы по части порядка, но, как ни странно, у нас действительно чисто.

– Хочешь найти мне новую мамочку? – иронизирую я.

– Только сын и отец, как в старые добрые.

– О, – я хлопаю папу по плечу и заглядываю в глаза. – Дерьмовый из тебя лжец. Нужно больше практики.

Хватаю с пола рюкзак и поднимаюсь по лестнице.

– Это ты чересчур проницательный. Я слишком хорошо воспитал тебя на свою голову, – смеюсь, ворчит он мне вслед. – Серьезно, парень, мы не вылезали никуда на этой неделе. Еще немного, и я сойду с ума, а ты лишишься единственного родителя.

Я останавливаюсь на последней ступени и с хитрой улыбкой оборачиваюсь.

– А мне полагается многомиллионное наследство?

– Узнаешь после моей смерти.

– Тогда внизу через час? – предлагаю я. – Хочу принять душ, побрить ноги и сделать прическу.

Отец подставляет два пальца ко рту и издает рвотный звук.

– Не переусердствуй. Я начинаю комплексовать на твоём фоне.

– Тебе не помешает сходить в спа и расслабить булки, – выкрикиваю я из коридора по пути к своей комнате. – Там тебя хорошенько намаринуют, как стейк для барбекю на День независимости.

– Не надо меня мариновать! – Его голос наполняется ужасом.

Я смеюсь, стягиваю толстовку и падаю на кровать от усталости.

Очередной день подходит к концу, а я все еще тоскую по дому. И по парням, как бы сопливо это ни звучало. Они уже исключили меня из общего чата, что о многом говорит. Знаю, это неизбежно. Рано или поздно ниточки порвутся, и связь окончательно потеряется. Но душой я еще там, со своей прежней командой. Вряд ли одна неделя сотрет воспоминания нескольких лет.

Это мой первый переезд. Отца повесили, и нам пришлось паковать вещички, потому что отказаться от должности управляющего в новом филиале – самая большая глупость на свете. Все эти годы папа пропадал на работе ради нас двоих, потому что моя биологическая мать слиняла из родовой палаты, вероятно, даже не удосужившись переодеться.

К черту! Я никогда не стремился найти ее. Искать встречи с человеком, который предал собственного ребенка, ни разу не взглянув на него, может только полный кретин. Но если мы когда-нибудь и увидимся, я просто пройду мимо.

В свидетельстве о рождении ребенка из неполной семьи чаще всего можно увидеть прочерк в графе отца. В моем же случае он стоит напротив матери. Папа остался со мной, когда ему едва стукнуло восемнадцать. Ради меня он забыл о тусовках, бурной молодости, девчонках. Обо всем. Были еще бабушка и дедушка, но они ушли из жизни слишком рано,

и к моим семи годам мы остались вдвоем. Тот, кто сумел встать на ноги в полном одиночестве и с младенцем на руках, достоин называться героем.

Моя комната захламлена. У окна громоздятся неразобранные коробки. Дверцы гардеробной распахнуты, с полок беспорядочно свисают футболки. Все, что я потрудился сделать – повесить телек на стену. Не могу без него, хотя в последние дни скучать не приходилось. Наш дом похож на склад, куда изредка забредают люди. График отца под завязку расписан выездными проверками, а мой сосредоточен на учебе и подготовке к сезону. Я давно не вижу ничего, кроме футбольного поля и потолка собственной спальни перед сном, поэтому идея вытащить задницу на улицу кажется весьма заманчивой.

Открываю мессенджер в телефоне и вижу оповещение: «Коннор О’Брайн исключил вас из чата».

Никто из бывших друзей не написал что-то вроде: «Жаль, чувак, что ты больше не с нами». Как будто меня там и не было.

Раздраженно фыркнув, убираю мобильник, но он вибрирует, и я замечаю, что добавлен в чат под названием «Тигрята». Я опять фыркаю, но уже от смеха. *Тигрята*.

Экран гаснет, но вспыхивает снова, как и мое любопытство.

Коул: *Чувак, ты хочешь, чтобы он еще и здесь нас сводил с ума?*

Трэвис: *Пожалуйста на это мамочке и отрасти яйца.*

Бен отвечает на сообщение Трэва: *Я уже пожаловался твоей.*

Я давлюсь смешком и вмешиваюсь в диалог.

Коди: *Составлю для вас двоих личный график тренировок. Пощады не ждите.*

Коул: *Да пошел ты, Максвелл!*

Он отправляет красное сердечко, и я снова смеюсь.

– Планируешь разобрать вещи?

Поворачиваю голову и замечаю в дверях отца.

После душа он выглядит посвежевшим. Волосы все еще влажные, от щетины не осталось и следа. В серой футболке и джинсах он кажется моложе своих лет. Нас часто принимают за братьев, и мне приходится мириться с заинтересованными взглядами и кокетливыми улыбками за соседними столиками. Для человека, прошедшего тяжелые времена, папа смотрится довольно лакомым кусочком. А сумма на банковском счете делает его еще слаще. К счастью, отец не торопится связывать себя священными узами брака, и он ни разу не знакомил меня с потенциальной мачехой. Не буду кривить душой, в его постели бывают женщины. Одна такая дамочка как-то проскакала мимо меня в нижнем белье с глупым хихиканьем, но больше я ее не видел.

– Надеюсь, что ты передумаешь и предложишь вернуться в Трентон.

– Пути назад нет.

– По-братски, – ерничаю я, как только он делает шаг в сторону своей комнаты, – принеси чистое полотенце. Пожалуйста.

– По-братски, – передразнивает отец. – Мой сын просит меня *по-братски*.

– Я добавил *пожалуйста*.

– Тогда, по-братски, давай без тусовок? Без девчонок? Без алкоголя?

– По рукам, но тогда это относится и к тебе. И никаких полуголых *леди* на нашем диване.

– Требуешь дать обет целомудрия? Не слишком ли самоуверенно?

– Я имел в виду только диван. Развлекайся в своей спальне, тебе не всегда будет тридцать шесть. Часики потенци тикают.

Его оскорбленный вид вызывает у меня смех. Папа исчезает и возвращается спустя минуту. Не успеваю опомниться, как полотенце летит мне прямо в лицо.

– Засранец, ты под домашним арестом.

– То есть сегодня я никуда не могу выйти? Что ж, тебе придется ужинать и гулять в гордом одиночестве!

– Арест начинает действовать, как только ты переступаешь порог после возвращения, и ни минутой позже, – отзывается отец уже из коридора и хлопает дверью своей спальни.

Не знал, что старики такие обидчивые, нужно быть с ним поделикатнее.

Мысль вызывает новый приступ смеха. Я волочусь в душ и на полчаса превращаюсь в русалочку, продолжая хихикать, как сумасшедший.

Когда мы наконец выходим, солнце наполовину скрывается за горизонтом. Небо окрашивается в малиновые оттенки, и влажный воздух со стороны озера Эри щекочет нос. Отец выбрал нам дом в уютном районе города, и днем из-за забора слышится звонкий детский смех. Дорога до школы вместо получаса автобусной тряски превратилась в десять минут пешей прогулки. Перед переездом отец предусмотрел все нюансы, и я благодарен ему за дальновидность. Особенно я признателен за то, что, несмотря на всю занятость, он нашел время выбрать школу с лучшей командой. Я не привык быть в аутсайдерах.

– Как дела в школе? – точно читая мои мысли, интересуется отец.

– Ты уже спрашивал.

Искося взглянув на меня, он настораживается.

– У тебя проблемы в общении со сверстниками или с новой командой?

Мы оба знаем, что мои коммуникативные навыки на высшем уровне. Я могу договориться с Сатаной, и он проведет экскурсию по аду. Собственно, я унаследовал этот талант от отца. Он способен найти общий язык с любым человеком на планете.

– Нет, все в порядке.

– Что тогда?

Кому, как не ему, проделавшему длинный тернистый путь от трех работ к одной, где он занял пост управляющего филиалом, можно довериться и получить дельный совет? Отец был вынужден рано повзрослеть, поэтому его опыта и мудрости хватит на нас двоих.

Я выдыхаю и делюсь размышлениями. Мне все еще не дает покоя девчонка, решившая обвести меня вокруг пальца. Я и подумать не мог, что оступлюсь в первые же дни. Изучив профиль Виктории в социальной сети в одиночестве, я собрал о ней кое-какую информацию. Оказалось, она занимается в школьном театральном кружке и является членом группы поддержки. Или когда-то являлась: в ее ленте не так уж много фотографий в чирлидерской форме, а последние публикации датируются предыдущими годами. Основная часть снимков либо не говорит о ней ничего, либо связана с театром. Желая отпустить ситуацию, я в то же время чувствую потребность раскусить ее игру. Если бы не Трэв, я мог просто забыть о ней. Или, наоборот, зайти дальше, чтобы потом, как идиот, смотреть на кубок, уплывающий в чужие руки. Кубок, который хочу я. Победу, которая нужна мне.

– Ты не взял у нее номер? – Отец задумчиво скребет подбородок – привычка, свидетельствующая о том, что он тщательно обдумывает какую-то идею.

– Нет.

– Но она понравилась тебе?

– Зачем ввязываться в отношения, у которых нет будущего? – вопросом на вопрос отвечаю я. – Я хочу получить стипендию, значит, должен сконцентрироваться на футболе.

– В таком случае тут и обсуждать нечего. Ты ведь не планируешь приглашать ее на свидание?

Я зловеще улыбаюсь:

– А, может, я хочу посмотреть, как она станет изворачиваться.

– Эта девушка зацепила тебя.

Довольно смелое заявление, особенно учитывая, что я не думал о ней до того момента, пока Трэв не открыл рот.

– Мне не интересно играть со слабаками. Я хочу обыграть сильнейших. Радоваться безвкусной победе то же самое, что жевать подошву ботинка!

Отец насмешливо дергает бровью.

– Ты завелся?

Я моргаю и прислушиваюсь к внутренним ощущениям.

Да, я завелся на пустом месте, но лишь потому, что предпочитаю сильного противника. Я всегда стремился к большему. Всегда желал обыграть лучшего. Азарт у меня в крови.

– К черту девчонку, – резюмирую я.

– Предохраняйся, – подытоживает отец.

С губ срывается смешок.

– Спасибо за совет. Если бы ты воспользовался им девятнадцать лет назад, то не болтал бы сейчас со мной.

Он протягивает руку и взъерошивает мои волосы.

– Я рад, что был тогда полным тупицей.

Мое сердце, будь оно проклято, наливается теплотой.

Отец никогда не выказывал сожаления из-за моего незапланированного появления на свет. Методом проб и ошибок научился совмещать работу и воспитание ребенка. Окружил тем, что порой не способна дать полная семья: вниманием, поддержкой и любовью. Перед моими глазами всегда стоит пример лучшего отца и друга. Нам легко найти общий язык несмотря на весомую разницу в возрасте. При противоположных мнениях мы уживаемся на одном квадрате. Даже если нет точек соприкосновения, всегда можно найти компромисс. Это правило применимо ко всему.

В уютной семейной закусочной нас усаживают у окна.

Массивная лампа тепло освещает наши лица и деревянный стол. Коричневые стены украшены черно-белыми снимками местных достопримечательностей. Мне еще предстоит познакомиться с городом, в котором проведу выпускной год. Я глубоко вдыхаю аромат специй и, слыша урчание в животе, принимаюсь изучать меню.

– Как дела в офисе?

– Привожу документы в порядок. Через месяц будем работать как часы.

– Теперь у тебя есть секретарша, которая приносит кофе?

Отец закатывает глаза.

– Сейчас у меня есть только геморрой размером с булженик и горячая задница.

– Да ладно, старик, ты справишься.

Я слышу его смех и улыбаюсь.

– Через пару десятков лет ты воздашь мне должное, если, конечно, не отправишь в дом престарелых.

– Я буду чутким и внимательным, а еще обещаю разжевывать для тебя овощи.

Мы возвращаемся домой с полными животами ближе к девяти.

Я останавливаюсь у самой двери. Отец недоуменно смотрит на меня.

– Ты говорил, если переступлю порог, меня ждет домашний арест, – напоминаю я.

– И?

– Черта с два.

Я разворачиваюсь и иду на задний двор.

Дурацкий домашний арест не входит в мои планы. Может, это не совсем честно, но для достижения цели любые средства хороши.

В кустах у стены нахожу лестницу и взбираюсь по хлипкой конструкции к окну своей спальни.

– Технически, порог я не переступил.

Моя самодовольная улыбка заставляет отца прищуриться. Он упирает руки в бока и дергает уголком губ.

– На этот раз тебе удалось перехитрить меня.

– На этот раз?! – Я оскорбляюсь и просовываю ногу в приоткрытое окно. – Я *всегда* на шаг впереди. Спасибо за ужин,

па.

Глава 6. Виктория

За восемнадцать лет я так и не привыкла к сильным грозам и проливным дождям, бушующим в Кливленде. Сворачиваюсь клубком, обхватываю подушку руками и закрываю глаза. Раздается очередной раскат грома, а следом темное небо озаряет вспышка молнии. Ветка зловеще царапает окно, и я чувствую себя героиней триллера. Только это амплу мне не по душе. Роли в фильмах про паранормальные явления и маньяков – табу. Я жуткая трусиха, и даже за баснословный гонорар меня не затащит, на съемочную площадку ужастика.

Накрываюсь одеялом с головой.

Высовываю руку и шарю по прикроватной тумбочке. Нащупываю наушники и быстро подключаю их к телефону, торопясь заглушить кошмарные звуки за окном. Но когда пролистываю список песен, издаю разочарованный стон: музыка подходит для танцев, а не для сна. Я выбираю наименьшее из зол и включаю «Kinda Crazy» Селены Гомес. Через несколько секунд понимаю, что покачиваю ногами в такт мелодии, поэтому приходится отложить встречу с Морфеем.

Отличная идея, Ньюман, все идет по плану!

Не выдерживаю и щелкаю выключателем ночника, но меня ждет разочарование: в сети нет питания. Сбои с электри-

чувством при сильной грозе у нас не редкость.

Ну просто великолепно!

К счастью или сожалению, я всегда иду напролом.

Зажигаю фонарик на телефоне и несмотря на то, что стрелки показывают час ночи, сажусь перебирать одежду в шкафу. Знаю, я сумасшедшая, и песня о безумии, грохочущая в наушниках, приходится как никогда кстати.

Скрестив ноги по-турецки, начинаю разгребать кучу барахла. В такт мелодиидвигаю плечами, тихо напеваю под нос и убираю в сторону ту часть вещей, от которой планирую избавиться. Аккуратно складываю и возвращаю на полки остальную одежду. Мама будет несказанно рада, когда увидит мои ночные старания.

Я отрываю взгляд от своего занятия, и тень, падающая на пол, заставляет меня завизжать так, что дрожат стены. Удивительно, как только стекла уцелели.

– Чтоб меня! – резко оборачиваясь, восклицаю я. – Мама! Господи, ты напугала меня!

Она стоит в дверях и ошарашено хлопает глазами, приложив ладонь к сердцу.

– Это ты меня напугала!

За маминой спиной возникает папа. Он смотрит на нас и вполголоса ругается.

– Что стряслось? – сонно ворчит отец.

– Мама подкралась со спины и напугала меня! – выдернув наушники, кричу я.

– А как я, по-твоему, должна войти в комнату? Через окно? – оправдывается она.

– Но не так!

– Я постучала!

– Я была в наушниках!

– И кто в этом виноват?

Вздыхаю и признаю ее правоту.

– Я пошла попить и услышала шум в твоей комнате. Постучалась, спросила, все ли в порядке, а ты ничего не ответила. Не могу же я спокойно уйти! Вдруг что-то случилось!

– Все в порядке, – смягчаюсь я. – Ты же знаешь, я ненавижу грозу. Не могла уснуть и решила чем-то себя занять.

– В такое время? – Папа кивает на разбросанную вокруг меня одежду.

– Великие умы творят ночью, – иронизирую в ответ.

Он уходит, и его шаги постепенно затихают в конце коридора.

– Милая, ты действительно решила разобрать шкаф в час ночи, в темноте?

– У меня есть фонарик.

Мама тоже хочет уйти, но я решаю подразнить ее напоследок:

– А если бы я была с парнем, или голой? Или и то, и другое?

– Святые небеса! – возмущается она, вылетает за порог и хлопает дверью. Если нужно прекратить разговор с ма-

мой, достаточно только заикнуться о парнях. Это весело, если честно. Я люблю по-доброму подшучивать над ней.

Утром я похожа на бодрого и активного зомби. Всегда удивляюсь: если сплю с вечера до обеда, еле отскребаю голову от подушки, но если сон длится жалких четыре-пять часов, просыпаюсь с торпедой в одном месте.

Одри толкает меня плечом, подстроившись под мой шаг в школьном коридоре.

– Я уже говорила, как рада получить роль Джульетта?

Краем глаза наблюдаю за ее сияющим лицом, одновременно стараясь не стукнуться лбом об открытый шкафчик или хуже того, о грудь футболиста.

– Примерно пару миллионов раз.

– Если нужно, я готова связать себя фиктивными отношениями для поднятия рейтингов. В Голливуде это частое явление.

– Мы говорим о школьном спектакле, – напоминаю я.

– Ты бесчувственная, Ньюман! – Одри театрально вздыхает. – Подумать только, самый красивый парень школы оказался таким скромником. Я попробовала заговорить с ним пару недель назад во дворе и, знаешь, что он сделал?

– Заплакал?

– Промямлил, что его ждет мама.

Я, кажется, вот-вот захохочу от смеха.

– Тебе предстоит его целовать. – Я сажусь за свою парту, а Одри занимает место в соседнем ряду. – Проверь пульс

после того, как вкусишь фальшивый яд с его губ.

– Думаешь, все настолько плохо?

Мэтт никогда не казался мне совершенством, рыцарем в сияющих доспехах, о котором бы я мечтала перед сном. По правде говоря, такого человека и вовсе не существует. По крайней мере, в нашей галактике. Мне довелось влюбиться в двенадцать лет, но этот опыт оказался плачевным, и все закончилось моим унижением. Теперь я смотреть не могу на ровесников, а при упоминании отношений мои глаза сами собой закатываются. Я не выношу парней дольше пяти минут, если только иного не требует ситуация. Возможно, шесть лет – слишком малый срок для полного выздоровления моего когда-то разбитого сердца.

– Я не посмотрю на него, даже если он будет богом, спустившимся с Олимпа. Я немного занята.

Какого черта я сказала это?

Одри поджимает губы и мрачнеет.

– Ты опять ввязалась в *это*? – Она подается вперед, чтобы разговор остался между нами.

– Не уверена, что хочу снова...

Она перебивает на полуслове:

– Так ты уже познакомилась с ним?

– Он даже имени моего не спросил! – громко шепчу я, но быстро осознаю совершенную ошибку и понижаю тон: – Что со мной не так? Я привлекаю исключительно идиотов?

– Футболисты, в принципе, – тщеславные, самоуверен-

ные, заносчивые придурки с раздутым до размера Вселенной эго. К твоему сведению, ученые придерживаются мнения, что Вселенная бесконечна.

– Намекаешь, что она сделала мне подарок? Повернулась передом, а не задницей, как обычно?

Нас прерывает Тимоти Хэмелтон, громко приземлившийся за спиной подруги. Парень вытягивает скрещенные в лодыжках ноги вперед. Его взгляд перемещается между мной и Одри, он наклоняется и что-то шепчет ей на ухо. Я не успеваю моргнуть, как кулак подруги врезается в нос за-сранца.

Яростно растирая переносицу, Тимоти бормочет что-то вроде: «Фригидная стерва». Но мы обе знаем, что через неделю произойдет рецидив, и он попробует снова.

– У меня нет столько средних пальцев, чтобы выразить все чувства к тебе, Хэмелтон. Исчезни.

Одри возвращается к прерванному разговору.

– Твой отец сошел с ума? – Она стреляет в Тимоти *свали-к-черту* взглядом, и тот послушно пересаживается в конец класса. – Тебя загрызут, если узнают об интрижке с одним из учеников Гилморта. Существуют более гуманные и безболезненные способы свести счеты с жизнью.

– Это не мешает тебе каждые выходные сидеть за одним столом с Трэвисом.

– Я стараюсь не думать об этом, пока не вижу его физиономию.

– Давно хотела спросить: он умеет улыбаться?

Одри бледнеет и смотрит на меня с беспокойством:

– Только не говори, что тебе нравится Кросс.

– Нет. Просто интересно, есть у него хотя бы подобие эмоций.

– Понятия не имею. Мы разговариваем, только если предлагаем друг другу катиться к черту.

– Высокие отношения.

– Я против того, чтобы ты вмешивалась. Тем более, когда дело касается Гилмортов.

Я сглатываю, пытаюсь смочить пересохшее горло, и съеживаюсь.

Наверное, Одри права: на сей раз нужно отступить и сосредоточиться на других не менее важных вещах. На кону поступление, спектакль и матчи. А может, я просто не готова к встрече с парнем, от близости которого по коже бегут мурашки.

Глава 7. Коди

– Не думал, что мы встретимся снова, Серийный убийца.

Девушка резко вскидывает голову, ударяясь о дверцу багажника, и охает от боли. Ее лицо удивленно вытягивается, а рука устремляется к ушибленному затылку, как только наши взгляды пересекаются.

Я задаюсь вопросом, насколько искренне она потрясена. Есть ли фальшь в ее реакции, или сегодняшняя встреча на самом деле не входила в планы девушки? Как далеко эта лгунья готова зайти ради достижения цели? Мне хочется подпустить Викторрию ближе, чтобы оценить ее актерский талант. Мною движет любопытство. Возможно, дело не только в нем, ведь после разговора с отцом я трижды открывал ее профиль в соцсети и успел изучить каждый снимок до мелочей. Сколько раз нужно просмотреть фотографии малознакомого человека, чтобы это считалось преследованием?

– Любишь ходить по опасной дорожке? – задаю я провокационный вопрос, скользнув взглядом по короткому розовому топу, открывающему плечи и часть живота. Кончики пальцев вспыхивают от желания прогуляться по кремовой коже, и чтобы подавить неподозволенный порыв, мне приходится напомнить себе о том, кем она является.

Викторрия сводит брови и убирает лезущие в лицо локоны.

– Прости, что?

– Общество по охране природы выступает против выруб-
ки деревьев.

– О боже, ты об этом. – Покосившись на коробки, она за-
крывает багажник и вытирает руки о светло-синие джинсы. –
Надеюсь, мы оставим это недоразумение в секрете.

– Кофе? – предлагаю я, сразу переходя к делу.

Виктория медлит, словно не знает, как поступить. Она пе-
реминается с ноги на ногу и не спешит соглашаться, а я тем
временем не могу отвести взгляда от ее идеальных розовых
губ. Я не имею права поддаваться влечению и гадать, какие
они на вкус, но мое тело плевать хотело на голос разума.
Кажется, мне не помешает обзавестись постоянным сексу-
альным партнером, чтобы выпускать пар и не бросаться на
первую попавшуюся девушку.

Утверждение «держи друзей близко, а врагов еще ближе»
на удивление точно подходит нашей ситуации. Я собираюсь
держать Викторию в поле зрения по ряду причин. Первая, и
самая банальная: девчонка весьма привлекательна. Вторая:
она посмела повесить мишень на мою спину. Третья: ни я,
ни она не принадлежим к тем, кто легко сдается. Виктория
здесь, следовательно, я нужен ей. И я сам иду к ней в руки.

– Я... – Девушку прерывает звонок мобильного. От
неожиданности она вздрагивает и на секунду зажмуривает-
ся. – Прости, я должна ответить, это отец.

Киваю, потому что знаю: подцепить меня и вытянуть нуж-

ную информацию – в ее собственных интересах. На поле две команды: я и она.

– Что еще? – Виктория раздражена, и я прикидываю, злится ли она из-за того, что нас прервали, или у нее просто натянутые отношения с отцом. – Послушай, сколько можно? В твоём распоряжении как минимум одиннадцать пар рук, а всю тяжелую работу делаю я!

Ее взгляд постепенно наполняется огнем.

– Это в последний раз! – Она сбрасывает вызов и смотрит на меня с сожалением. – Прости, сегодня действительно куча дел.

– Тем более стоит сделать перерыв, – улыбаясь, подначиваю я, чувствуя себя кретином, потому что не привык изображать липовое веселье.

– Возможно, ты прав, – вздыхает девушка, приложив тыльную сторону ладони ко лбу. – Но у меня...

– Парень? – предполагаю я, и успеваю подумать, что если это правда, то она еще хуже, чем мне казалось.

– Нет, я везучая и натыкаюсь только на полных придурков, поэтому давно поставила крест на отношениях. У меня сегодня репетиция.

Наверное, актриса из Виктории получается стоящая, раз два года подряд команде ее отца достается кубок чемпионов.

Я подыгрываю, делая вид, что ничего не знаю о девушке. Мы – незнакомцы, случайно столкнувшиеся *дважды*.

– Репетиция?

– У нас пьеса на носу.

– Уверена, что не хочешь взять короткий тайм-аут?

Она закусывает губу, и я снова плююсь.

Господи, очнись, мать твою!

– Ладно, настаивать не буду. – Я подмигиваю и разворачиваюсь, чтобы уйти.

– Ох, хорошо! – звучит мне в спину, и, обернувшись, я победно улыбаюсь. На этот раз искренне. – Кстати, Виктория. Но лучше Ви или Вики.

– Коди, но лучше Коди или Коди, – передразниваю ее и ощущаю покалывание в груди. Флирт с этой девушкой закончится нашим общим поражением, но я не могу ничего поделать со своим влечением.

Плохо, Максвелл, незачет. Ты окажешься в глубокой заднице, если продолжишь идти на поводу у гормонов.

Мы заказываем напитки и находим свободное место. Большой стол в дальнем углу кофейни пустует, и это к лучшему. Я попробую раскусить ее тактику и поменять правила без помощи посторонних. В этой игре нет судьи. Нет товарищей. Нет наблюдателей. Только я и она. Только ее ложь. И моя осведомленность.

– Итак, – медленно начинаю я, делая глоток горячего кофе.

– Итак... – повторяет девушка, проводя пальцем по кромке своего стаканчика.

– Ты сказала одиннадцать пар рук. Твой отец – тренер?

Ее взгляд отрывается от кофе и находит мои глаза. Напряжение в теле говорит о том, что она напугана и не рассчитывала услышать прямой вопрос.

– Да.

Что ж, это было легко. Не думал, что она так быстро раскрывает карты.

Я склоняю голову набок и позволяю себе улыбнуться:

– Ты смущаешься или что-то скрываешь?

– Прости. – На ее щеках вспыхивает румянец, и ответ становится очевидным. – Ты заставляешь меня нервничать.

Черт, а она хороша. Отыгрывает так, что невозможно придраться.

Я продолжаю допрос:

– Работаешь помощником тренера?

– Иногда папа думает, мне нечем заняться.

– А ты не особо разговорчивая.

И это чистая правда. Виктория не задала мне ни одного вопроса. Ничего удивительного, учитывая ее мотивы. Должно быть, она уже составила на меня целое досье: успехи и неудачи школьных команд частенько попадали в хроники спортивных журналистов Трентона.

Виктория делает глоток кофе, глядя на меня поверх стаканчика.

– Наверное, потому что не ожидала увидеть тебя сегодня. Это был сюрприз.

Что, не успела подготовиться?

– Приятный, надеюсь?

Она недолго изучает меня, и я делаю то же самое. Сканирую девушку взглядом и ловлю себя на мысли, что мог бы заинтересоваться ею, если бы не знал о ее грязных способах приносить отцовской команде победу.

Смотрю на длинные пальцы, обхватывающие стаканчик, и скольжу взглядом по рукам. Я стараюсь не задерживаться на V-образном вырезе топа, открывающем потрясающий вид на ложбинку между грудей, где прячется золотой кулон. Я едва не подаюсь вперед, чтобы разглядеть его форму. Сердечко? Виктория кажется мне не настолько стереотипной. За ее красивыми глазами скрывается океан лжи и притворства.

Девушка облизывает губы и выдыхает.

– А вдруг ты двинутый и следишь за мной, когда я езжу в типографию? Чернильный маньяк, печатный извращенец, брошюрный преследователь – выбирай на свой вкус.

Я смеюсь.

– Предоставлю выбор тебе.

– А если серьезно?

Виктория заметно расслабляется. Расставляет локти и складывает пальцы в замок, куда ставит подбородок. Ее голубые, как море, глаза, обрамленные густыми ресницами, сосредотачиваются на мне. Она не обращает внимания на громкие голоса за спиной, как будто в помещении остались только мы одни. Я – единственный, на кого она смотрит. Единственный, кого видит в толпе людей. Единственный, кто

удерживает ее интерес.

– Раз уж ты спросила, я – капитан футбольной команды, так что мы можем встретиться на поле.

Короткая улыбка, пробежавшая по губам Виктории, отражает скорее разочарование, нежели предвкушение встречи. Она убирает руки со стола и принимается теревить топ, а в воздухе повисает прежнее напряжение.

– Переживаешь, как воспримут наше знакомство? В какой школе ты учишься?

– Еще есть шанс сделать вид, что мы не знакомы, – тихо предлагает Виктория, покосившись на дверь, будто собирается сбежать.

Я подаюсь вперед и втягиваю сладкий аромат.

Она пахнет, как конфеты Нердс, которые раздают детям на Хэллоуин. Виктория умело меняет маски: сейчас она выглядит сбитой с толку, а через секунду планирует сделать из меня идиота. Но я не могу не замечать искру, проскочившую между нами. Не могу отвести взгляда от ее лица в форме сердечка. От ясных глаз, с опаской наблюдающих за мной.

Я не желаю испытывать чувства к девушке, задумавшей мной воспользоваться.

Но она манит меня.

Я протягиваю руку и заправляю за ухо ее выбившийся локон, поглаживая большим пальцем шелковую кожу. Внутри расплзается тепло, словно после долгой прогулки по морозу берешь в руки кружку горячего чая. И сколько бы голос

разума ни приказывал держать дистанцию, я поддаюсь искушению.

– Не хочу делать вид, будто не знаю тебя, – говорю я и, запуская пальцы в золотистые волосы, привлекаю ее ближе и касаюсь губ.

Срань Господня, какого черта я творю?

Виктория застывает и перестает дышать. Я встревожен не на шутку и жду реакции: пощечины, протеста, чего угодно, что поможет мне понять ее. Секунды неловкого ожидания растягиваются в часы. Наконец, вздохнув, она раскрывает губы и отвечает на поцелуй. Наши языки встречаются в медленном танце. Колебания девушки очевидны. Продолжая держать руки под столом, она не торопится прикоснуться ко мне, чего не сказать обо мне: притянув ее к себе, я нежно прикусываю пухлую нижнюю губу, и Виктория моментально отвечает взаимностью.

– Не любишь оставаться в долгу? – дразню я ее между поцелуями.

Тело Виктории вибрирует от смеха, а в следующую секунду нас возвращает в реальность мелодия телефона.

Виктория резко отстраняется. Пытается что-то сказать, но слова растворяются в воздухе. Лихорадочно шаря по карманам, она достает телефон и смотрит на меня с неприкрытым смутением.

– Прости, но... – В ее глазах быстро отражаются сменяющие друг друга эмоции, и она сдавленно добавляет: – Я не

та, кто тебе подходит.

Какого дьявола?

– Ты шутишь? – Я огрызаюсь, потому что жгучее разочарование не входит в планы. Я одинаково злюсь на того, кто прервал нас, и на себя за непрошенные чувства.

Виктория вскакивает на ноги и пятится к выходу.

– Ты не увидишь меня больше, клянусь!

С этими словами она вылетает из кофейни.

Глава 8. Виктория

– Я не буду участвовать в этом фарсе, папа.

Отец вскидывает голову и смотрит на меня так, словно я говорю на китайском. Он закрывает папку и откладывает ее в сторону, сосредоточив внимание на мне. За его спиной в свете ламп сияют кубки, которыми так гордится школьный совет. Директор восхищается командой, и только я остаюсь без благодарности. Всего неделю назад я смотрела на трофеи с равнодушием, но теперь мне внезапно становится стыдно. Я съеживаюсь, вспоминая о том, каким грязным способом были получены эти жестянки.

Папины глаза сужаются. Я выдерживаю его взгляд, выпрямляюсь и поднимаю подбородок. Пусть видит, что я готова постоять за себя.

– Это выпускной год. Я должна сосредоточиться на учебе, театре, тренировках, экзаменах. Может, команде стоит проводить больше времени на поле? Если парни хорошо попотеют, то заработают свои медальки.

– Что-то случилось? – Папа присматривается ко мне.

СЛУЧИЛОСЬ?

Ради всего святого, Коди поцеловал меня! Я никогда не заходила так далеко. Никто из них ни разу не прикасался ко мне, а теперь я чувствую себя грязью, и передо мной маячит

перспектива получить ярлык подстилки. Последний час моим единственным желанием было чистить зубы до тех пор, пока не сотру их в порошок, а потом – оттереть кожу до костей металлической губкой.

Отец поднимается из-за стола, подходит ко мне и кладет руку на плечо.

– Он что-то сделал?

– Нет. – Я натягиваю отточенную годами улыбку и пытаюсь усмирить колотящееся сердце. – Он просто хороший парень, а я слишком устала, чтобы тратить время на ерунду.

Папа смотрит так, словно у меня отросла вторая голова.

– *Хороший парень?* – задумчиво протягивает он. – Мне не послышалось?

Боже, лучше бы прямо сейчас под моими ногами разверзлась земля.

– Мы договорились?

– Если это твое окончательное решение, то кто я такой, чтобы препятствовать? Карамелька, твои чувства важнее любого кубка.

Я ощущаю облегчение, будто с меня спали тяжелые оковы.

– Тогда... увидимся дома?

– Сегодня ужин готовлю я.

– Звучит как угроза.

– Это оскорбительно!

Я хихикаю и выхожу за порог кабинета. Но не успеваю закрыть дверь, как папа окликает:

– Расскажешь, каково это, внешне болеть за одну команду, а сердцем – за другую?

Разинув рот, я таращусь на него, хлопая глазами, и чувствую, как кружится голова.

– Кажется, ты влюбилась. – Папа смотрит на меня, будто озорной мальчишка, которому доверили сокровенную тайну.

– О боже, ты сошел с ума!

– Что-то в нем заставило тебя отказаться от нашего договора. Уж не возникшие ли чувства?

– Ты должен опекать меня. Говорить, что я еще мала для отношений и должна сосредоточиться на учебе!

– Это так, но чувства не будут ждать, когда в твоём плотном графике самореализации появится свободное время. Они просто нагрянут, и тебе придется решать, дать ли им возможность расти, или позволить перегореть.

Я морщусь, будто съела лимон.

– Спасибо, о Великий Конфуций. Хорошо, что мы с ним учимся в разных школах. Только драмы мне не хватало.

– А что, если бы он перевелся не в Гилморт, а в нашу школу?

– Полагаю, у команды мог бы появиться новый капитан, – неуклюже защищаюсь я.

Папа качает головой, и по его лицу пробегает тень улыбки:

– Не забывай про вечер знакомства команд. Мне уже не терпится посмотреть на него.

Я закрываю дверь и отправляюсь на урок. По пути в кабинет обдумываю, как избежать участия в мероприятии. Кому нужна эта глупая традиция! Нет наказания хуже, чем несколько часов терпеть присутствие тщеславных футболистов.

В мысли врывается воспоминание о поцелуе, и я спотыкаюсь на ровном месте, едва не влетая в стойку с огнетушителями. Жар быстро расплзается по телу. Со стоном вытираю вспотевшие ладони о джинсы и покрываюсь мурашками. Меня лихорадит. Это становится невыносимым.

Гребаный Максвелл, убирайся из моей головы!

Закрыв глаза, я провожу рукой по губам, стараясь избавиться от навязчивой идеи поехать в чертову типографию в надежде встретиться с человеком, из-за которого мой мозг превратился в желе. Этот парень смешал мне все карты, и я боюсь предстоящей встречи, потому что на ней Коди поймет, что между нами лежит пропасть в виде двух противостоящих друг другу школ. Поймет, и Он перелистнет страницу, на которой я безнадежно застряла.

– Ты попала под автобус? – Одри сверлит меня пристальным взглядом, постукивая колпачком ручки по столу. – Что с твоими волосами?

По инерции поднимаю руку и пытаюсь привести локоны в порядок, но пальцы дрожат, и на меня накатывает паника. Я хватаю ртом воздух, а вместо слов изо рта вылетает бульканье.

Одри перехватывает мое запястье.

– Выдохни, Ви, – мягко велит она, и я подчиняюсь.

Глубоко втягиваю воздух и медленно выдыхаю. Повторяю ритуал несколько раз, прежде чем сердцебиение и дыхание приходят в норму.

– Он поцеловал меня, – едва слышно шепчу я, уставившись в одну точку. – Коди. Он *поцеловал* меня.

– Отлично. Кто это?

Я многозначительно смотрю на подругу.

– Коди... – Сдвинув брови, она раскрывает рот и громко шепчет: – Новый капитан Гилмортов?

– Не могу выбросить его из головы! – Я злюсь на себя и прячу лицо в ладонях. Внутри будто сломался механизм, отвечающий за рациональность мышления. – Не понимаю, зачем он это сделал!

– Ты снова виделась с ним?

– Папа попросил забрать очередную партию листовок. Я правда не рассчитывала его там встретить. Максвелл застал меня врасплох.

– Он что, сразу накинулся на тебя?

– По глупости согласилась выпить с ним кофе. Все случилось так неожиданно...

Ладно, частично – это ложь. Я могла оттолкнуть Коди, когда он прикоснулся ко мне, но не нашла в себе на это силы. Я видела лишь невероятной глубины глаза и не хотела, чтобы этот миг прекращался, а потом поняла, что его губы при-

жимаются к моим. Потом меня накрыло его ароматом, и я окончательно потеряла связь с реальностью.

– И теперь из-за одного поцелуя ты не можешь выбросить его из головы? – недоверчиво переспрашивает Одри, но что-то в ее голосе заставляет меня насторожиться.

– Считаешь, это бред?

Она рассеянно пожимает плечами.

– Откуда мне знать? Если хочешь его забыть, попробуй поцеловать другого. Клин клином вышибают.

– Мне, по-твоему, нужно целовать каждого встречного, чтобы избавиться от Максвелла?

В ее глазах вспыхивает знакомый блеск.

Одри достает телефон и водит пальцами по экрану. Я пытаюсь разглядеть, что она ищет, и когда вижу, у меня начинается *ПСБ*, или *приступ сучьего бешенства*, как сказали бы сестры Уилсон².

Я в бешенстве. Буквально.

У меня горит задница. Фигурально.

Бывшая подруга сканирует новостную ленту школы Гилморта, а я пытаюсь выхватить мобильник из ее цепких рук и заблокировать доступ к сайту. Мы продолжаем борьбу не на жизнь, а на смерть, и скрип парт по полу привлекает всеобщее внимание. Оттолкнув меня локтем, Одри вытягивает руку вперед, и я терплю поражение.

Лукавая улыбка на губах подруги становится слишком

² Сестры Уилсон – персонажи комедийного фильма «Белые цыпочки» (2004).

широкой, а глаза азартно разгораются.

– Черт, он и впрямь хорошенький, – щебечет она и пытается подсунуть мне телефон. – Хочешь посмотреть?

– Нет, – буркаю я и поправляю одежду, пыхтя от возмущения.

– Значит, он тебе не интересен?

Мой яростный взгляд говорит сам за себя.

– Да ладно тебе, Ви. Ты так легко готова отказаться от парня, к которому у тебя возникло что-то больше, чем рвотный позыв?

– Но ведь мы – враги, – возражаю я. – Или его внешность все меняет?

– Твои чувства все меняют.

– Ладно, забудь.

– То есть ты не будешь против, если я напишу красавчику?

– Валяй. – Мой голос звучит холодно и отстраненно, но Одри делает вид, что ничего не замечает и, одарив меня многозначительной улыбкой, снова исчезает в телефоне.

– Рада, что между нами нет глупых предрассудков, – не поднимая взгляда от экрана, добавляет она.

Я чувствую, как начинают слезиться глаза, и отворачиваюсь к окну. Стиснув зубы, чтобы не дрожал подбородок, заставляю себя подумать о Тиме Фостере и вспомнить, как эгоистичны все футболисты.

И все же никто в здравом уме не устоит перед Одри, поэтому скоро мне придется лицезреть новую счастливую па-

рочку.

От этой мысли меня начинает мутить.

Глава 9. Коди

Я сканирую глазами зал, пытаюсь найти Викторию посреди моря людей, в котором каждую минуту появляются новые лица. У меня нет разумного объяснения своему поведению. Возможно, когда-то меня знатно приложили головой о бетон.

– Максвелл, это может кончиться дракой, из-за которой нас отстранят от сезона.

Я кошусь на Трэва.

– Не понимаю, о чем ты.

– Не держи меня за идиота, – говорит он и растворяется в толпе. Несколько девчонок провожают Кросса взглядом, а самые смелые устремляются за ним.

Я смеюсь, потому что их ждет разочарование. Если бы бесстрастность Трэва могла приносить пользу или, как вариант, воду, то проблемы в африканских странах разрешились бы за считанные часы. Клянусь Богом, он – пуленепробиваемый танк.

– Вау! – присвистывает Чейз. – Это же хорошенькая дочка тренера!

Я поворачиваю голову так резко, что хрустят шейные позвонки.

Первое, что вижу – платье цвета морской волны. Воздуш-

ная атласная юбка едва достигает колен, и я медленно поднимаюсь взглядом по стройным ногам. От лифа по хрупким плечам тянутся тонкие бретели, подчеркивающие выразительные ключицы и кремовую кожу. У меня пересыхает во рту, потому что Виктория поворачивается, и я вижу ее оголенную спину. Черт побери, не слишком ли смело для такого мероприятия? Если бы тут подавали виски, я заказал бы двойную порцию.

Завожу руки за спину и сцепляю пальцы в замок, чтобы не поддаваться соблазну прикрыть девушку своей рубашкой. Виктория откидывает волнистые локоны назад, и золотистый каскад прячет большую часть спины. С облегчением вздыхаю. И когда я только успел стать ханжой?

– Фрэдриксон, не буду врать, эта не та встреча, о которой я мечтала ночами, – скрестив руки на груди, с неприязнью говорит Виктория моему товарищу.

– Виктория, ты милашка. Но только когда молчишь.

– Извини, не могу удержаться. Эмоции так и хлещут, если ты появляешься в радиусе мили от меня.

Я прячу улыбку.

– Знаешь, почему я не хотел переводиться? – не унимается Чейз.

Виктория прижимает указательный палец к губам и задумывается. На ее лице отражается скука и отчуждение. Парень ей безразличен, это поймет даже круглый идиот.

– Потому что боялся ездить на метро без сопровождения

взрослых?

Я прикусываю губу, чтобы не рассмеяться, и вмешиваюсь в беседу, которая, по моим ощущениям, может довести до того, что она снимет туфлю и стукнет его каблуком.

– Прекращайте. – Я смотрю на девушку, потому что Чейза не заткнуть, даже если залить бетон в горло. Вся надежда на разумность Виктории.

– Она первая начала, – жалуется парень, и я бросаю на него выразительный взгляд:

– Серьезно?

Чейз смотрит на Викторию и поигрывает бровями, но так с отвращением морщится в ответ.

– Увидимся, крошка Ви, – мурлычет Фрэдриксон и удаляется.

Я благодарен болвану и за его глупое поведение, и за своевременное исчезновение.

Мы остаемся с Викторией наедине.

Улыбаюсь и наклоняюсь к ней. Карамельный аромат щекочет ноздри, и я чувствую себя ребенком, получившим в подарок сладкое. Чертовски желанный подарок.

Виктория поклялась, что мы больше не увидимся, но мы оба понимали: наша встреча неизбежна.

– Потанцуем?

Виктория вздрагивает и качает головой:

– Нет.

– Нет? – не могу скрыть удивления я.

Что за игру она ведет?

– Хочешь, чтобы после сегодняшнего вечера мое бездыханное тело обнаружили в ближайшем переулке?

Я выпрямляюсь и смеюсь. У девушек чересчур живая фантазия.

– Это еще почему?

– Потому что наши команды – соперники, следовательно, мы должны ненавидеть друг друга.

– И ты тоже ненавидишь нас? *Меня?*

Виктория осекается и нервно поправляет юбку. Она переживает, что нас услышат. Сплетни между школами распространяются со скоростью лесного пожара.

– А должна? – вкрадчиво спрашивает Виктория, разглядывая мою рубашку.

– Я попробую опять: потанцуем?

– Нет, – снова отклоняет она предложение.

С недоумением смотрю на нее сверху вниз.

Подумать только, это я сейчас рискую репутацией и добиваюсь ее внимания. Если таков план Виктории, то он, определенно, работает. Мне сложно отказаться от этой игры. Сложно отказаться от Виктории. Особенно теперь, когда я знаком с ее ароматом, вкусом губ и острым языком. Я привык, что каждое неуверенное «нет» превращается в решительное «да». Виктория испытывает мое терпение. Разжигает азарт. Вызывает гамму смешанных чувств. Сознание ее коварства не мешает мне искать встреч с Викторией. Меня

привлекают уживающиеся в ней крайности.

– Назови убедительную причину.

– Мне нужно больше свободного пространства.

Я откашливаюсь, чтобы не рассмеяться, и делаю шаг назад. Ее глаза сужаются.

– Я не об этом.

– Не помню, чтобы покушался на твою свободу.

– Ты поцеловал меня, теперь приглашаешь на танец, и все это кончится катастрофой.

– Но ты не оттолкнула меня, – возражаю я. – Ты ответила тогда, отвечаешь и сегодня.

Виктория поджимает губы. Ее дыхание учащается, а от тела исходит сумасшедший жар. Щеки становятся пунцовыми. Она то ли злится на правду, то ли сгорает от желания согласиться. Я надеюсь на последнее. Это не самообман. Я чувствую ее взаимность каждой клеточкой. Вижу знакомый блеск в глазах. Она может отрицать симпатию, но стоит нашим взглядам найти друг друга, как все становится донельзя очевидным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.